

Собеседник - 1990 - апрель/май - с. 10

Александр Невзоров: «Я принадлежал лишь к одной партии...»

— Передача ежедневно задевает достоинство и интересы как минимум 5—6 граждан. Но большая ошибка думать, что я борец. Если человек оказывается в комнате с клопами и у него нет дуста, он давит их из отвращения, а не потому, что поставил своей целью уничтожить навсегда. Мы не выведем всех на чистую воду. На место одного подонка, которого уберут благодаря нам, придут десять других, еще более наглых, коррумпированных, но более осторожных.

— Саша, в работе тебе часто приходится идти на риск. Ты не пробовал нанимать телохранителей?

— Это абсолютно бессмысленно. От профессионалов меня не спасет и рота автоматчиков, а если мне будут угрожать дилетанты, то и сам отобьюсь.

— Летом 89-го была предпринята попытка бойкота рыночных спекулянтов в Ленинграде. Насколько я знаю, несмотря на призы передачи ничего не покупать на рынке в выходные дни, стопроцентный бойкот не удался.

— Да, нам устроили этот проигрыш. Исполком Ленсовета и Главное управление торговли обещали наладить торговлю хотя бы в эти дни, чтобы показать, что прецедент возможен... и обманули, показав тем самым, как хорошо налажена система создания дефицита. Было сделано все, чтобы ни одна помидорка не попала в государственную продажу.

— Вопрос, который волнует практически всех: как ты проникаешь в закрытые двери?

— Самая излюбленная тактика, когда включаются фары и на скорости 100—110 километров в час машина едет сквозь ворота проходной. Как правило, не успевают спросить документы и куда ты едешь. Здесь главное оказаться на территории, как выйти — не столь важно. На выходе могут стоять охранники с карабинами, стрелять, делать что угодно. Меня это уже не волнует, потому что кассета вынимается из камеры и прячется куда-нибудь одним из работающих вместе со мной в съемочной бригаде. Видеоматериал у меня все равно есть.

— У вас в городе сменилось партийное руководство. Что ты думаешь о первом секретаре обкома Гидаспове?

— Гидаспов очень своеобразный человек. Первый раз я его увидел, когда он приехал на студию, чтобы познакомиться с ленинградскими тележурналистами. Он довольно мирно, связано и занятно вещал, затем речь зашла о Смольном, где помещается Ленинградский областной комитет партии, и Борис Вениаминович вместо традиционного «аппарат» сказал «трудящиеся Смольного». Ему тут же предложили сказать «работяги партии», «трудяги обкома». Но я смотрел на него и видел в его глазах знакомый и мне флибустьерский огонек и чувствовал, что не случайно он оговорился. Гидаспов не околдован коммунистической фразеологией. Поразительно обнаружить, что секретарь обкома книжки читал, способен здраво судить. Этот человек с живыми мыслями и с характером мне несимпатичен — говорю сразу, честно. Но тем не менее должное я ему отдаю. У нас с ним отношения неплохие. В органе латвийского Народного фронта газете «Атмода» была помещена замечательная шутка, что теперь для выхода из партии нужна рекомендация трех беспартийных. Так вот, на мою рекомендацию товарищ Гидаспов всегда может рассчитывать.

— В передаче «600 секунд» прошел сюжет о незаконном приобретении «мерседеса» членом ЦК КПСС Ю. Ф. Соловьевым. На следующий день бюро обкома КПСС постановило исключить Соловьева из партии. Как ты относишься к такой реакции на свое выступление и как вообще готовился этот сюжет?

— На такой результат мы и рассчитывали. Комиссионный магазин по продаже автомашин давно находился в поле зрения наших агентов. Когда нам до-

несли, что предположения подтвердились, съемочная группа сработала как группа захвата. Документы были запрятаны очень далеко: часть находилась в архиве бухгалтерии, а часть в книге учета. Но нам удалось их взять, в том числе и благодаря профессионализму Володи Гричишкина и Александра Борисоглесского.

— Ты прислушиваешься к советам молчать об одном и говорить о другом?

— Нет, я любого советчика, кем бы он ни был, посылаю ко всем чертям. Я до такой степени привык к своей полной независимости, что не потерплю никакого давления. Я всегда добиваюсь, чего хочу. Жалею, что не умею добивать поверженных врагов. Врагов города и тех, кто не хочет перемены государственной системы и жизни в этой стране. Но вообще я не люблю выделять свои недостатки и достоинства. Если разобьются, то получится, что я один сплошной недостаток, потому что ценю жесткость, властность, умение подчинять своей воле всех, кто в этот день встречается со мной. Как правило, я имею дело с людьми, которые не хотят сниматься и открывать свои секреты. Так что эти качества мне необходимы. Кстати, они распространяются и на мою съемочную бригаду. Когда мне приходится куда-то уезжать, я категорически запрещаю ей вообще появляться на телевидении и работать с кем-то другим.

— Насколько месяцев назад ты отбегал ребят в школу репортера. Что было дальше?

— Желающих набралось 400 человек. Оставили мы троих. Мальчика двенадцати лет, сумрачную девицу, которая делает поразительные успехи в репортерском ремесле, и одного молодого человека, у которого просто дар плюс большой опыт оперативной работы в милиции. В этой школе я буду учить репортеров, как проникать туда, куда не пускают, как определить подлинность и неподлинность документа, как драться.

— Во время каждой твоей передачи у меня мурашки пробегают по коже. В частности, во время уголовной хроники. Я понимаю, что это делается не для того, чтобы пощекотать нервы. Но насколько оправдана такая безжалостность?

— Если мы скажем об убийстве и покажем жизнерадостное лицо следователя, мы не привьем отвращения к тому, что произошло, к факту преступления. Мне приходилось встречаться с преступниками, которые говорили, что если бы они видели, до какой степени страшен бездыханный мертвый человек, то никогда в жизни не совершили бы преступления. Они не представляли себе, до какой степени глубоко и сильно проникает ужас, связанный с внешним антуражем убийства. Поэтому мне кажется, что, демонстрируя криминальную хронику предельно безжалостно, мы очень многих людей научили осторожности. То, что в Санкт-Петербурге живут осторожнее, осторожнее знакомятся, осторожнее открывают двери, — это пусть маленькая, но наша заслуга. Я не знаю, сколько жизней таким образом нам удалось сберечь.

Меня очень часто спрашивают, не считаю ли я действия программы при добывании информации безнравственными. Приведу такой пример из одной замечательной книжки. Главный герой ее по ходу сюжета убивает несколько человек, крадет деньги у своего квартирного хозяина, спит поочередно с двумя женщинами и к тому же занимается политической интригой. Его друг, хронический алкоголик, который в наше время был бы помещен в ЛТП, тоже своими руками убивает несколько человек и занимается разного рода махинациями. Второй приятель — сутенер, имеет любовницу, муж которой — парализованный, больной старик. Любовник обирает его, между делом убивает, лжет, хвастает. Четвертый тоже неприглядная личность. Затем эти четверо милых людей объединяются, чтобы убить

женщину, которая была женой одного и любовницей другого. И все это классика мировой детской литературы под названием «Три мушкетера» — роман господина Дюма.

Если разложить все это по статьям Уголовного кодекса, то каждому из них можно дать лет по пятнадцать строгого режима, учитывая принцип поглощения одной статьи другой. Но оказывается, что эта книга может воспитывать и благородство. Поэтому разговор о нравственности и безнравственности несколько неуместен, если дело касается репортерской работы.

Эти слова Невзорова меня лично смущают, поскольку там, где идет речь о людях, будь то журналистика или юриспруденция, отрицать роль этики чревато. На мой взгляд, это приводит не только к моральным травмам, но и в конечном итоге к небрежному отношению к самим фактам.

— Какими фактами ты располагал, когда обвинил «Собеседник» во лжи после публикации в нем материала «Колбаса в свете гласности», где мы предлагали контролировать поступление черномышья мяса, в том числе и на Ленинградский мясокомбинат, так как в результате переработки оно не полностью теряет свою радиоактивность?

Этот вопрос я задавала уже после нашего разговора, и не для того, чтобы упрекнуть, а чтобы разъяснить ситуацию, понять. Это, видимо, говорит об отсутствии веских доказательств и о том же самом желании послать к черту всех, кто пытается разоблачить, проанализировать поданные факты. Бесконечная уверенность в своей правоте... Иногда это вызывает симпатию, но иногда... сомнение в объективности. В конце концов, кто из нас знает истину в последней инстанции?

Но все это, повторяю, было позже, а пока — беседа продолжалась...

— Саша, какую-то веру в изменение существующего положения в стране в тебя вселяют съезды народных депутатов?

— Нет. Статья 6 Конституции, а вернее, ее отмена могла повлечь изменения к лучшему, но этот вопрос даже не включили в повестку дня. Вообще странно, что отменить шестую статью Конституции пытались люди беспартийные, потому что по идее к этому должна была стремиться изо всех сил сама партия. Если она этого не хочет, значит, она хочет власти любой ценой, а не правды.

— Ты не признаешь никаких партий?

— Я не люблю вообще того, что связано с политикой. Мне кажется, что профессионализм журналиста заключается и в его непринадлежности к каким-либо партиям. Хотя я принадлежал к одной в свое время. В церковном хоре пел партии басов.

— Почему из правителей досоветского периода ты выделяешь последнего русского царя Николая II?

— Николай II Романов имеет огромное нравственное преимущество по сравнению с теми, кто правил Россией и в наше смутное время. Я элементарно могу доказать. Как вы помните, когда последний император-государь почувствовал, что он не любим народом, что народ не хочет его, что он не верит ему, то не продолжил политическую борьбу ценой чьей-то крови или реорганизацией думы — он отрекся. Я что-то не помню, чтобы отрекся хоть один нелюбимый, неуважаемый генеральный секретарь.

— А почему ты все время называешь Ленинград Питером?

— В войнах и отчаянии со всей России Петр собирал средства и силы и воздвигал этот город. В наше время у создателя его, Петра, совершенно незаслуженно отобрана честь называть город своим именем. Если большевики претендуют на роль людей с проснувшейся совестью, то именно от них должна была исходить инициатива о возвращении городу законного имени, потому что его смена была насильственным актом. Кроме всего прочего, это предельно бесчестно по отношению к памяти Ленина, который наверняка не одобрил бы этой ситуации и не стал бы присваивать себе чужую славу.

— В одном из выпусков передачи прозвучала информация о том, что в Кировском театре есть ложа КГБ. Я знаю, что после этого девушку-корреспондента, которая сказала об этом в эфир, на месяц отстранили от работы...

— Если мы будем бросаться непроверенными фактами, то потеряем доверие тех, кто нас смотрит и кто нас любит. У нас не было фактов, подтверждающих это заявление. Ложа, о которой шла речь, никакого отношения к КГБ не имеет, а принадлежит 9-му Управлению — не подчиняющемуся КГБ — по охране членов Политбюро, ЦК, а также их семей и кандидатов в члены Политбюро.

— Как складываются твои отношения с другими ведущими передачи?

— Им надо избавляться от подражания и искать свой имидж. Но отношения у нас самые добрые.

— Ты пьешь, куришь?..

— Я не пью никогда и ничего, мне постоянно нужна голова на плечах, а курю охотно, но только хорошие сигареты, от плохих садится голос.

— В общении со своей женой Александрой Яковлевой ты так же категоричен?

— Да. Ей было сказано, что первая эротическая сцена в кино — немедленно развод. Поэтому она уже отказалась от двух фильмов.

— Кто твои друзья?

— Бывали случаи, когда меня бросали все, но тем не менее программа выходила. Мои друзья занимаются своими делами на своих местах — начальник отдела по борьбе с организованной преступностью Коля Горбачевский, Николай Губенко, Илья Глазунов, Урмас Отт.

— Все-таки ты занимаешься политикой?

— Да, поскольку честность — это политическая категория в наше время. А человек, который хочет делать передачу честной, поневоле ввязывается в политику.

Беседу вела

Мария Фроловичева.

